

Свиток царевны
Алёнки
и
Четыре Яги

Автор Ягатерина Петрова

Екатерина Петрова

Свиток царевны

Алёнки и Четыре Яги

<https://litres.ru/74601492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре яги, четыре стихии. Жизни, раскиданные по мирам и векам.

Когда-то они вместе учились у Матушки Яги, проводницы, знавшей цену молчанию. Потом разошлись: одна осталась в Училище учить детей земле и травам, другая ушла в Сказочное Царство и стала царицей, основательницей рода, третья ушла в Большой мир, где отвела глаза палачам и вышла из огня, четвёртая растит скоморохов и поёт под гусли.

Полторы тысячи лет: войны, костры, революции, забытые имена, и каждая потеряла больше, чем можно вынести, и каждая продолжает дело, потому что иначе нельзя.

И вот три из них приходят в гости к четвёртой, в избушку на краю леса, за самовар, с чаем и мёдом, к разговору, в котором больше пауз, чем слов. Они знают: четвёртая не просто хранит очаг, а держит границу, она та, которой Матушка передала своё дело.

Сказ о тех, кто держит границу не столбом, а собой, о тех, кто провожает и встречает, и о том, что круг замыкается тогда, когда на пороге встаёт новое поколение.

И пишет то, что хочет сберечь.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Екатерина Петрова

Свиток царевны

Алёнки и Четыре Яги

Глава

Свиток Царевны Алёнки. Записи после пира.

Села Алёна у стола, перо взяла, чернильницу поближе подвинула, свечу поправила, чтобы не коптила, вздохнула да и задумалась. А задуматься было о чём, потому что после пира всякое в ней отозвалось, и всякое записать надобно, пока не ушло. Свеча оплывает, перо по пергаменту шуршит, чернильница под рукой стоит. — Ну приступим, — тихо пробормотала царевна. Вывод мой таков. Бабуля моя не только при сказках и не только при лесе, а при Училище, при деле, при тех, кто учится. Училище это в тайге, но в Большом мире, и я сама туда ходила с Ягулей, за черту. Значит, и там у неё ученики. Они ходят по тому же миру, и никто не знает, кто они, а они есть, и я могу их встретить. Если встречу, может, и не пойму сразу, да почувствую, что у нас одна наставница, одна Ягишна, и один огонь. — Да, возможно только я теперь складываю и вот что получается, — Алёна снова склонила голову к свитку. Конёк-Горбунок. Родом он из тайги, живёт

при Училище, при пастбищах, при конях златогривых, а горбунки там при них службу несут. Про Ягулю Конёк сказал, что живёт она у дальнего болота, в избушке на курьих ножках, при училище, и детей учит границе между Явью и Навью, обрядам да проводам. Осенью и весной, перед Дедами, первоклашки к ней ходят за наставлениями, за умениями. Зовут её там Ягишной, травница она, целительница и мастерица, а как скажет, так и будет. Строгая, за своих горой стоит, и если кто на грани оступится, вытащит. При Коньке ни одного не потеряла, и за тех, кто с добром приходит, всегда заступится. Тут Алёна остановилась, кончик пера к губе приложила да и проговорила про себя тихонько, что ни одного не потеряла, ага, значит, Конёк считает, значит, было что считать. Конёк говорит, что при нём ни одного не потеряла, а он не знает, что было до него. Тут Алёна вздохнула, на свечу посмотрела да и снова пробормотала:— Двадцать одна. Сидели, поди, за одним столом, ели из одной чашки, а потом двадцать пошли и не дошли. И она одна. Одна-одинёшенька из двадцати одной. Я бы, наверное, не выдержала. А она держит. И снова перо к пергаменту приклонила. А теперь я слышу это иначе. Конёк говорит, что при нём ни одного не потеряла, а он не знает, что было до него. Учениц у Матушки было двадцать одна, двадцать не дошли, дошла одна Ягуля. И вот она теперь стоит там, где стояла Матушка, и при ней ни одного. Это не служба, это те двадцать, которых она помнит живыми и за которых теперь стоит. Поси-

дела, помолчала, перо обмакнула да и вывела следующее. Глеб сказал, что не добрая она и не злая, а граница. Стоит и держит. Свечу держит, чтобы такие, как он, видели, куда идти. И страшное в ней не сила, а молчание. Молчит, когда ты умираешь, и молчит, когда воскрешаешь. Не подходит, не подсказывает, не спасает. Стоит за спиной и ждёт, пока сам дойдёшь. Потому что если подойдёт, то не дойдёшь, а если не подойдёт, то либо дойдёшь, либо сгинешь. И она готова ждать и того, и другого. Вот это в ней главное и страшное. Алёна фыркнула, рот ладонью прикрыла, отняла ладонь, перо в чернильницу окунула. — Ну, всё сказала. Одно слово, а он понял. Вот это умение. Я бы, наверное, полчаса распиналась, а она ну, и всё. Перо по пергаменту закрипело. «А про обряд с караваем сказал так, что все подошли, каждый сказал, а она молчала дольше всех. Все сказали, а она молчала, и это молчание было тяжелее всех слов, потому что знала его до того, как он имя получил, знала, кто он, и всё равно ждала. А потом подошла один раз и так сказала ну, что он понял, что она всегда была и всегда будет и этого достаточно. Вывод мой таков. Бабуля моя не нянька и не спасательница, она ждёт, и в этом ожидании больше любви, чем в любой подсказке. Глеб через смерть прошёл, а она молчала, и он дошёл. Вот она какая, стало быть. И я теперь знаю, почему она и при мне молчала, когда я по туманной тропе шла, не потому что бросила, а потому что ждала. Глеб говорит, что она молчит, когда умираешь, и я думала, это про него, про его смерть,

а это и про неё. Она не умирала тогда, она шла, двадцать первая, по той тропе, где двадцать до неё остановились, и она видела Матушку, каменную, молчащую, и не остановилась. И потому теперь знает, что молчание это не холод, а то, что остаётся, когда всё сказано и всё сделано, а сделать ничего нельзя. Матушка молчала, потому что не могла, а Ягуля молчит, потому что помнит. И Глеб это чувствует, не знает, а чувствует, потому и сказал, что она готова ждать и того, и другого, ведь Ягуля и сама бывала тем, кого ждут, и тем, кто ждёт». Алёна перо из руки выпустила, пальцы размяла, к свече наклонилась, огонёк поправила, откинулась.— Стало быть, молчание бывает разное. Одно когда нечего сказать, другое когда всё уже сказано. И это второе самое тяжёлое, потому что в нём вся память.— Кот Учёный теперь. — Сказала Алёна, пожимая плечами. Перо снова по пергаменту закрипело. «Кот сказал, что она как огонь. Горит и не спрашивает, зачем. Пламя само знает. Не думает, куда светить. Просто светит. Всё, что по пути встречает, либо в ней согревается, либо мимо проходит. А я для неё огонь, который сам зажёгся. Она таких любит, тех, кто сам, кого поджигать не надо, кто горит без подсказки». Алёна головой качнула да и пробормотала:— Огонь, который сам зажёгся. Ну, коли так, то ладно. «Они с ней из одного корня. Она границу держит, а он сказки хранит. Она свечу несёт, а он слова. Она знает, кого впустить и выпустить, а он знает, что сказать. Без неё он бы потерялся, а без него она бы онемела. Она их вы-

растила, его и братца, по пятьсот лет им всего, вынянчила, как своих, и они при ней и остались. Она старше, намного. Пришёл он, когда сказки уже сложились, дед их передавал, а она была и до них, и наставницу свою дважды по сроку тому уже заменяла». Тут Алёна перо от свитка отвела, губу прикусила да и пробормотала:— По пятьсот лет. Пятьсот. И это ещё всего. Я семнадцать прожила и то думаю, много, а тут пятьсот. И она их вынянчила, как своих. Стало быть, и меня вынянчит, коли надо. Только я, чай, не такая старая буду, мне всего-то семнадцать.«Братец его Баюн, он в Училище, Терем хранит, детям предания рассказывает, и теперь с Котёнком, внучатым их Шнырком, которого в ученики дали. Кот к нему заходит, поговорить. Родня не по месту, а по крови, один в Тереме осел, другой в сказочном царстве, один сказки раздаёт детям, другой сказки хранит, а вместе одно дело делают.Её он там видит. Там она Ягишна, не Бабуля. Там она наставница, ведёт занятия, учит первоклассников провожать предков, баню топить, стол накрывать, алтарь создавать, учит границы не бояться. Голос негромкий, а слышно даже на последней парте, и дважды она не повторяет. Традиция не когда ты повторяешь, как заведённый, а традиция когда ты огонь передаёшь. Вот это её главное, и каждый там усвоить должен».Алёна перо в чернильницу окунула да и пробормотала:— Огонь передаёшь. Вот оно что. Не слова, не обряды, а огонь. Обряд-то без огня что печь без дров, стоит, а не греет. Обряд же понимать надо что почему дела-

ется, чтобы наполнен был душой и смыслом. Да... «Кашей её знает дольше Кота. Они вместе мир держат, он с одной стороны, она с другой. Он создаёт испытания, она проводит по ним. Он смотритель, устроитель, а она хранительница, проводница. Вывод мой таков. Бабуля моя не одна. У неё корень общий с Котом, и дело общее с Кашеём. Она не просто старуха при лесе, она в строю, мир держит и огонь передаёт. А меня, стало быть, тоже огнём считает, тем, что сам зажётся. Ладно. Значит, не подведу». Алёна плечи расправила, подбородок вздёрнула да и пробормотала:— Ну, коли огонь, так огонь. Я-то думала, я просто царица с метлой, а оно вон как. Ладно, не подведу. «А теперь я слышу это иначе. Кот говорит, что она старше, намного, что пришёл он, когда сказки уже сложились, дед их передавал, а она была и до них, и наставницу свою уже заменяла. И это он говорит про Ягулю, и он знает, что говорит. Он знает про двадцать, он знает про двадцать первую, он знает всё. И когда он говорит про огонь, который сам зажётся, он говорит это не про меня одну. Он говорит это про Ягулю. Потому что Ягуля сама дошла, сама зажглась, её никто не поджигал. Матушка ждала, Матушка молчала, Матушка стояла каменной, а Ягуля шла и дошла. И теперь она сама передаёт огонь. Кот это видел, потому что он при ней, потому что он её знает, потому что он при Училище. И он говорит мне про Ягулю не для того, чтобы я узнала что-то новое, а для того, чтобы я поняла, что я такая же. Что я тоже огонь, который сам зажётся. Что и меня никто не

поджигал. Что и меня ждали. И что теперь моя очередь идти». Алёна перо отложила, пальцы размяла, к свече наклонилась, огонёк поправила, откинулась. Продолжила. «Ягуля не только наставница. Она соученица тех двадцати. Она с ними за одним столом ела, вместе училась, у одной Матушки училась. И когда двадцать пошли и не дошли, она осталась. Одна. Матушка на неё смотрела, как на двадцать первую, и ждала, где она свернёт. А она не свернула. И теперь стоит там, где стояла Матушка, и смотрит на нас, на своих учениц. А я её ученица. Я из тех, кто при Ягишне учится. Я никого из тех двадцати не знала. Я их не видела, не слышала, не сидела с ними. Я пришла уже после. И то, что было до меня, я знаю только по сказке Матушки. А Ягуля знала их всех. Живыми. И она помнит их. Всех». Алёна перо из руки выпустила, руки на колени положила да и тихо пробормотала:— Всех помнит. Живыми. Двадцать девок, двадцать голосов, двадцать смехов, и одна тишина. Вот это ноша. Вот это крест. И она его несёт, да ещё нас, балбесов, учит. Ох, бабуля. Ох, Ягишна. Дописала Алёна, перо отложила, свиток свернула. Посидела, глядя на свечу, потом руку на свиток положила, будто удержать хотела то, что записала. И подумала, что завтра ещё к кому-нибудь подойдёт, к волхву седому, к Варваре, к Василисе Премудрой. Ещё спросит, ещё запишет, потому что пока спрашиваешь, учишься, а пока учишься, огонь не гаснет. Алёна свечу задула, свиток к груди прижала, в темноте улыбнулась, и Илью тоже надо спросить, какое его богатыр-

ское мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.